

Тыканова Елена Валерьевна
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
sensu_87@inbox.ru, elenatykanova@gmail.com

Хохлова Анисья Михайловна
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
sensu_87@inbox.ru, elenatykanova@gmail.com

Множественные сценарии развития городских локальных конфликтов в Нижнем Новгороде: стратегическая интеракционная перспектива²⁸²

Аннотация. В статье рассматриваются сценарии развития локальных конфликтов, разворачивающихся при разработке, обсуждении и реализации инициатив и проектов городского (ре)девелопмента. Эмпирическую базу исследования составили полуструктурированные интервью с участниками двух таких конфликтов в Нижнем Новгороде. Используя эвристический потенциал стратегической интеракционной перспективы, авторы реконструируют динамику конфликтов и показывают, с какими дилеммами сталкивались вовлеченные в них игроки, выбирая арены взаимодействия. Они также анализируют, как предыдущий опыт, неформальные связи, промежуточные победы и поражения, а также действия других игроков оказывали влияние на эти выборы, и фокусируются на исходах результирующих взаимодействий.

Ключевые слова: городские территории; городские локальные конфликты; стратегическая интеракционная перспектива; игроки; арены; исходы конфликтов

Tykanova Elena Valerievna
Sociological Institute of FCTAS RAS,
St. Petersburg, Russian Federation
sensu_87@inbox.ru, elenatykanova@gmail.com

Khokhlova Anisya Mikhailovna
St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation
sensu_87@inbox.ru, elenatykanova@gmail.com

Multiple scenarios of local urban conflicts in Nizhny Novgorod: strategic interaction perspective²⁸³

Abstract. This paper explores the scenarios of local conflicts caused by the elaboration, discussion and realization of controversial initiatives and projects of urban (re)development. Empirically, the study is based on a series of semi-structured interviews with participants of

²⁸² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект РНФ № 18-78-10054) «Механизмы согласования интересов в процессах развития городских территорий».

²⁸³ The research is supported by the Russian Science Foundation grant (RSF № 18-78-10054) “Mechanisms of interests coordination in urban development processes”.

two such conflicts in Nizhny Novgorod. Using the heuristic potential of strategic interaction perspective, the authors reconstruct the dynamics of these conflicts and show what dilemmas the involved players faced when choosing their interaction arenas. Furthermore, they analyze how the players' earlier experiences, informal bonds, interim wins and losses as well as the efforts of other players shaped these choices, and focus on the outcomes of the resulting interactions.

Keywords: urban territories; local urban conflicts; strategic interaction perspective; players; arenas; conflict outcomes

С 1970-х годов страны Восточной и Центральной Европы переживают «рост сервисной экономики, которая привносит новые функции и статусы в постиндустриальные города» [Golubchikov & Vadyina, 2006: 195] и определяет развитие так называемого «неолиберального урбанизма» – особого политэкономического видения, которое постулирует приоритет рыночных интересов городских элит над публичными интересами горожан в развитии городских территорий. Дерегуляция и приватизация экономики, основанная на принципах свободного рынка, также заставляет города встраиваться в глобальные экономические потоки, ожесточенно конкурируя с другими городами на мировой арене за зарубежные инвестиции и туристические потоки. Для крупных российских городов, обладающих исторической и архитектурной ценностью, эта конкуренция оборачивается инициированной «сверху» эстетизацией территорий, стимулированием коммерчески ориентированного культурного потребления, организацией крупных спортивных мегасобытий, а также неизбежно порождает новые пространственные неравенства, связанные с распределением прибылей от коммерческого использования территорий не в пользу горожан [Pagonis & Thornley, 2000; Kolossov, Vendina & O'Loughlin, 2002; Vendina, 2005; Axenov, Brade & Bondarchuk, 2006; Golubchikov, 2010]. В ходе реализации коммерческих инициатив и проектов политические и экономические элиты вторгаются в повседневную среду горожан и радикально трансформируют её, причем привычки, потребности и интересы жителей зачастую оказываются периферийными для городской политической повестки и полностью игнорируются на этапе принятия градостроительных решений. В ряде случаев это провоцирует локальную самоорганизацию горожан, направленную на защиту привычного и желательного использования городских территорий.

Для изучения городских локальных конфликтов и особенно самоорганизации горожан в ходе данных конфликтов традиционно используются наработки социологии общественных движений. В этом случае основным аналитическим приемом становится конструирование дихотомии между политическими и экономическими элитами, навязывающими свое видение городского пространства другим участникам конфликтов, и сопротивляющимися им активистами, которые ищут (и иногда получают) поддержку у других горожан, экспертов, политиков и пр. Усилия последних могут оформиться в общественное движение [McCarthy & Zald, 1977; Tilly, 1978; Tarrow, 1983; Kriesi, 1995; McAdam, 1996; Edwards & McCarthy, 2004]. Однако такая

исследовательская оптика направлена преимущественно на изучение протестных действий в формате уличной политики и представляет участников слишком гомогенизированными, то есть не учитывает множественность вовлеченных в процесс акторов, их интересов и инструментов борьбы. Более того, она уделяет мало внимания стратегическим взаимодействиям участников и, как правило, не объясняет их исходы. Поэтому в рамках нашего исследования мы отходим от классического подхода к исследованию общественных движений, взамен воспользовавшись стратегической интеракционной перспективой (*англ.* – *strategic interaction perspective (SIP)*). Авторы этого подхода Джаспер и Дайвендак [Jasper, 2006; Jasper & Duyvendak, 2015] настаивают на необходимости учитывать вклад всех вовлеченных в процесс согласования интересов «игроков»: не только активистов, но и городских администраций, инвесторов, девелоперов, планировщиков, архитекторов, экспертных и гражданских групп, местных жителей, напрямую не вовлеченных в протест, и пр. Они также призывают изучать динамику конфликтов, прослеживая последовательные взаимодействия игроков на различных «аренах», то есть физических и символических площадках, где «разыгрывается» некое благо: судебных заседаниях, митингах, пикетах, перформансах и пр. Каждая арена предлагает игрокам свой набор институционализированных правил и предписаний и наделяет их определенными ресурсами. В свою очередь, игроки могут выбирать те или иные доступные арены, переключаться между ними, конкурировать за их ресурсы и пытаться оспорить и пересмотреть их правила. Интеракции игроков на разных аренах могут приводить к разным результатам (например, промежуточные выигрыши, проигрыши или амбивалентные исходы), а также создают контекст и условия для последующих циклов взаимодействий.

В фокусе нашего эмпирического исследования находятся два конфликта, развернувшихся вокруг редевелопмента городских территорий в Нижнем Новгороде в 2012–2017 гг.: борьба против уничтожения части Автозаводского парка культуры и отдыха и возведения на его территории аквапарка, а также сопутствующих магазинов, ресторанов и пр. и протест против расширения одной из городских магистралей – Молодежного проспекта – в рамках подготовки к Чемпионату мира по футболу – 2018. Эти конфликты, близкие хронологически, охватившие одну и ту же часть города (Автозаводский район) и объединившие сходный набор активистов, подпадают под две тематические категории, особенно широко распространенные в российских городах-миллионниках [Семенов, 2019]: экологическая повестка и строительство дорог/возведение иной инфраструктуры.

На основе данных 13 полуструктурированных интервью с участниками изученных конфликтов мы проследим, какие арены выбирали противоборствующие игроки в каждом из них, с какими дилеммами они сталкивались в ситуации выбора, какие условия (например, предыдущий опыт противостояния и, в частности, промежуточные победы и поражения, неформальные связи между участниками, ресурсы, требования и действия других игроков) определяли этот выбор. Кроме того,

мы предпримем попытку с позиций стратегической интеракционной перспективы проинтерпретировать исходы выявленных взаимодействий.

Борьба против строительства аквапарка в Автозаводском парке

Автозаводский парк культуры и отдыха расположен в Автозаводском районе – на периферии левобережной части Нижнего Новгорода. Парк был основан в 1935 г. как элемент градостроительного ансамбля микрорайона Соцгород, организованного в соответствии с популярными в то время идеалами города-сада, а также принципами функционального зонирования, предполагавшими выделение промышленных, транспортных, жилых и зеленых территорий. В 2012 г. местные жители узнали, что компания-застройщик ООО «Корос-Аква» планирует возведение масштабного аквапарка и развитие сопутствующей коммерческой инфраструктуры в границах парка, что заставило их выступить против уплотнительной застройки и уничтожения зеленых насаждений.

Конфликт в Автозаводском парке привлек большое количество игроков. Строительство аквапарка инициировали и поддержали не только представители компании-застройщика, но и представители администрации Автозаводского района, а также городской и областной администрации, специалисты комитета охраны природы и управления природопользованием Нижегородской области, ряд профессиональных экспертов. При этом взаимодействие чиновников и бизнеса свидетельствовало о наличии взаимовыгодной коалиции: *«И было решение, то есть вот этот участок прямо точно для чего нужен был. И <...> когда мы стали с этим сталкиваться, <...> мы стали понимать, что здесь [переплетаются] интересы района, города и области»* (А8, ж)²⁸⁴.

Между тем, против проекта выступили члены инициативной группы, объединившей местных жителей, неравнодушных горожан и городских активистов, а также представители гражданских, градозащитных и экологических объединений города, профессиональные экологи и члены политических партий «Зеленая Россия», «Яблоко», ЛДПР и КПРФ, среди которых были, в том числе, депутат Государственной думы и депутаты Городского совета города и Законодательного собрания Нижегородской области.

Следует отметить, что в лидерское ядро выступающих против застройки парка горожан входило несколько опытных активистов, стремящихся к профессионализации протеста и переводу его в формальное русло: *«Потому что я подхожу к этому всегда на основе изучения документов. То есть сначала есть проблема, изучаются документы, находится слабое место. Слабое – для властей, сильное – для нас»* (А7, ж). Другие участники изначально не обладали необходимыми знаниями и вынуждены

²⁸⁴ В соответствии с академическими нормами информация об участниках исследования анонимизирована. В скобках после цитат из интервью приводятся краткие сведения об информантах: активист (А) или эксперт (Э), порядковый номер интервью, пол участника.

были развивать навыки низового активизма уже в ходе протеста, учась на собственных ошибках и обмениваясь опытом: «...я, когда пришла вот этим делом заниматься, я вообще была по нулям. А она [опытный активист] уже что-то занималась. То есть она знала там вот эти все какие-то ходы и прочее. <...> То есть я совершенно по нулям: для меня вот эта область по озелененной территории была вообще [не известна], я никогда не занималась ей. <...> мне пришлось изучить вот все вот эти документы в итоге...» (А8, ж). В целом отличительной чертой инициативной группы как ключевого игрока стала институционализация деятельности: так, представительница активистского ядра учредила особое общественное объединение – попечительский совет парка, – обращение в органы власти от лица которого придало движению репутационный вес: «Так что это на них сыграло, это для них [чиновников] был такой шок. Мне даже передавали, что они говорят: «А чего это нас опередили? А почему мы сами не создали попечительский совет?» Они думали, что «да, теперь мы должны считаться с попечительским советом». Это такой был шаг действительно полезный» (А6, м).

По мере развития конфликта к взаимодействию подключались «нейтральные», потенциально незаинтересованные, игроки: работники судов (как регионального, так и Верховного), сотрудники прокуратуры, государственных инспекций, полиции.

Первоначально для легитимации своей позиции стороны прибегали к публичным аренам. Так, администрация района и компания-застройщик запустили масштабную информационную кампанию, призванную убедить население в социальной значимости проекта: «[Глава районной администрации] у нас деятельный был: он, значит, привел из Москвы такого застройщика, <...> который строит аквапарки. И вот началась пропаганда, агитация: «Ура, у нас будет аквапарк, у нас, значит, это замечательно в нашем районе. Мы все такие рабочие, и вот у нас будет такой здоровский аквапарк, все замечательно» (А2, ж). Стремясь оспорить заявленную ценность проекта, инициативные горожане начали регулярно встречаться на собраниях, собирать подписи против возведения аквапарка, делать официальные запросы о законности строительства в зеленой зоне, разработали систему оповещения, позволившую им быстро распространять новости о ходе борьбы внутри инициативной группы и транслировать их заинтересованной общественности, а также организовали серию пикетов и митингов, позволивших привлечь внимание СМИ к проблеме: «И у нас, конечно, тоже была переписка. Все там: переписка, тоже акции были и митинги, и выступления на радио, выступали. <...> пресс-конференция была для СМИ, то есть было все. Но опять все бесполезно. Нам все говорят: «Вы что, своего счастья не понимаете?! У вас же аквапарк будет!» (А8, ж). Защищая территорию парка, протестующие настойчиво апеллировали к её исторической и коммеморативной ценности, связанной с подвигами автозаводцев времен Великой Отечественной войны, что помогло инициативной группе добиться промежуточного успеха в позиционной борьбе: «И вот решили: давайте, идею-то надо использовать! В годы войны там стояла зенитная батарея, причем там только женщины в ней были, отстреливали

вот эти самолеты, которые летят... Но они были вот на Автозаводе, там реально люди погибали, кровь проливали, а вы хотите построить там аквапарк. Это действительно помогло. Это действительно к истории, можно сказать, относится. Это очень хорошо сыграло. Там власти, кстати, тоже начали оправдываться, что это не прям в этом месте, что мы там все равно построим какой-нибудь памятник, поставим, это не мешает» (А6, м). В ответ на возникший коммуникативный резонанс, позволивший активистам получить поддержку широкой общественности, представители администрации района в сотрудничестве с компанией-застройщиком попытались представить протестующих малочисленной и ангажированной группой и противопоставить их сторонникам строительства. Для этого был инициирован сбор подписей в поддержку возведения аквапарка: «И власти еще используют такой прием, как количество подписей. Если <...> глава района собрал, там, по школам, поручил собрать подписи. «Хотите, чтоб был аквапарк?» Какой дурак скажет, что нет? Собираем подписи за аквапарк. В парке, не в парке. «Хотите аквапарк?» – «Конечно, хотим!» Когда власть манипулирует такими вещами – «а у нас тут больше», – мы говорим: «Вас больше, потому что вы непонятно под чем собирали, а потом у вас административный ресурс – это всегда больше» (А7, ж). Для популяризации проекта и его публичного позиционирования в качестве одобряемого населением было даже учреждено специальное печатное издание: «Застройщик выпускал газету в свою защиту, что вот мы опросили десять тысяч человек, и они все сказали, что мы хотим аквапарк. Потом выяснилось, что опрашивали по разнарядке <...> в детских садиках всем родителям раздать, чтобы они расписались. Многие даже не знали, за что они расписываются» (А6, м).

Поскольку спустя время лидеры протестного движения оценили публичные инструменты борьбы как недостаточно эффективные, они приняли решение об использовании формальных арен, обратившись в суд с исковым заявлением: «Мы пошли в суд оспаривать, то есть, поскольку этот объект входит в культурное наследие, то Управление по охране разрешило эту стройку. И в итоге что у нас оказалось? Мы пошли оспаривать о том, что нельзя согласовать было разрешение на строительство Управлением, поскольку это объект культурного наследия» (А8, ж). Поначалу это даже привело к ситуативной победе горожан, однако последующие раунды судебных заседаний были проиграны: «И мы выиграли этот суд. Они подали апелляцию, мы второй проиграли и все проиграли дальше. А мы выиграли по одной простой причине (смеется). Нет, там все было, как положено. Но судью не предупредили, там была судья новенькая, которая из области. И мне потом рассказывали, что ей влетело, сказали: «Ты чего приняла решение?». Вот, а ей просто не сказали. А она приняла, как нужно. А потом мы проиграли» (А8, ж). Другим инструментом борьбы на формальном уровне стало выдвижение одного из лидеров инициативной группы в качестве кандидата в муниципальные депутаты. Отвечая на эти усилия горожан, районные власти и представители фирмы-застройщика не только действовали на формальных аренах, но и вновь воспользовались возможностями

публичных арен, организовав ряд символических акций: провели торжественную закладку камня на месте будущего аквапарка, осуществили компенсационную высадку деревьев с участием молодежных организаций и пр.

В конечном итоге, именно взаимодействия в правовом поле помогли противникам проекта добиться отмены строительства: в ходе разбирательств вскрылись нарушения фирмой-застройщиком законодательства в сфере охраны культурного наследия (участок под застройку был выведен из охранной зоны на основании заключения, подготовленного нелегализованной экспертной организацией). Однако активисты уверены, что их успех оказался бы невозможен без активных действий на публичных аренах: информационный резонанс, которого им удалось добиться, позволил не только привлечь внимание общественности к конфликту: *«...для нас главное было – создать информационный повод, для того чтобы все более серьезно посмотрели на эту проблему»* (А3, Э2, м), – но и выиграть самый ценный ресурс – время: *«Вдруг мы услышали, что правительство говорит, что оно нашло другое место для инвестора. Там же, понимаете, еще что важно: инвестору же важно построить вовремя, а тут ему какие-то экозащитники начинают воду мутить, портить, а у него время – деньги, если он потерял время, он потерял все»* (А4, м).

Таким образом, на протяжении конфликта власти и представители бизнеса использовали доступный им административный ресурс, действуя в «серых зонах» правовой системы и «продвигая» градостроительные решения в СМИ. Между тем, активисты и их сторонники задействовали максимальное количество доступных арен, «нащупывая» наиболее эффективные инструменты борьбы и легитимные риторики: апелляции к исторической и культурной ценности оспариваемой территории, институционализация протеста, указания на нарушения застройщиком законодательства и пр. По наблюдениям экспертов, именно консолидированные усилия активистов, предпринимавшиеся одновременно на многих аренах, способствовали тому, что их требования были удовлетворены: *«...люди там огромное количество сил и времени потратили. Там были, наверное, сотни пикетов, тонны листовок. <...> И автозаводцы, реально автозаводцы высказали свою позицию, долго они её пробивали, причем тут хороший пример, потому что остановили они объект, уже когда земля вырезана из парка, выдан проект застройщику, он сделал проект. <...> Но в конце концов их услышали – и проект отыграли обратно»* (Э3, м).

Борьба против расширения Молодежного проспекта

В 2016 г. в ходе подготовки к Чемпионату мира по футболу – 2018 было объявлено о выделении федеральных дотаций на создание в Нижнем Новгороде инфраструктуры, необходимой для организации этого крупного спортивного события. Наряду со строительством нового стадиона анонсировался масштабный проект по расширению Молодежного проспекта – магистрали, по которой планировалось доставлять болельщиков из аэропорта Стригино до ближайшей станции метро. Жители

расположенных на проспекте домов были обеспокоены ожидаемым увеличением пассажиропотока и, как следствие, ростом шума и новыми экологическими рисками. Они также считали, что проект может нанести ущерб трем памятникам культуры регионального значения, расположенным вдоль проспекта. Кроме того, была запланирована трассировка проспекта по территории частных садоводческих участков исторического поселения Смирновские дачи, предполагавшая вырубку деревьев и демонтаж некоторых строений. Данные угрозы привели к мобилизации местного сообщества.

Инициаторами инфраструктурного проекта можно считать представителей компании-девелопера ООО «Жилстрой – НН» и администрации Автозаводского района, а также городской и областной администрации. В пользу расширения магистрали особенно активно высказывались сотрудники Министерства транспорта и автомобильных дорог и Главного управления автодорог Нижегородской области. Кроме того, строительство поддержали и некоторые эксперты, представляющие негосударственные организации.

Что же касается игроков, выступивших против проекта, то их состав можно охарактеризовать как неоднородный и нестабильный. Поскольку граница Автозаводского парка проходит по Молодежному проспекту, часть инициативной группы, сформировавшейся в ходе защиты парка, впоследствии присоединилась к борьбе против расширения магистрали. Таким образом, некоторые активисты уже обладали опытом успешного оспаривания решений о редевелопменте городских территорий. Однако не все защитники парка оказались готовы участвовать в новом градостроительном конфликте: свои сомнения эти информанты артикулируют в терминах социальной справедливости и общественного блага, подчеркивая, что в данном случае экономические интересы элит совпали с практическими интересами значительной части горожан: *«А если дорога – инфраструктурный объект, нужный всем? Ты не хочешь, чтобы тебе было шумно, а сто человек хотят побыстрее к аэропорту доехать. Поэтому здесь такой общественный резонанс не сделать, потому что это нужда города и нужда жителей города. Получается, что ты со своими частными интересами мешаешь большой категории людей. Нужно уважать свои права и свободы, за них бороться, но и уважать интересы других. Живешь в городе, не в деревне... Люди какое-то время чувствуют дискомфорт: я тут пешком ходил, а теперь тут будет дорога. <...> Комфорт людей, которые живут рядом с дорогой, конечно, уменьшается, но увеличивается комфорт пользователей дороги»* (А7, ж). Более того, игроки из числа владельцев садовых участков и частных строений отказались от своих претензий, когда получили удовлетворяющие их компенсации: *«Ну, нет они сначала возникали, ну как же. Вот у тебя садовый домик – и вдруг у тебя его не будет. Но как мне говорили, что вроде бы по деньгам-то все хорошо было»* (А8, ж). С другой стороны, конфликт привлек внимание гражданских активистов, имевших опыт правозащитной деятельности, и они также присоединились к работе локальной инициативной группы: *«...вооруженный недавним опытом*

организации марша Немцова, я понимал, что люди <...> не используют те возможности, и решил просто подключиться, как-то помочь организационно, к этому. В том числе, я привлек многих людей, которые Немцовым занимались. И мы достаточно эффективно начали это дело раскручивать» (А1, м). Наконец, на протяжении конфликта инициативную группу поддерживали профессиональные адвокаты, экологи, эксперты в области антимонопольной деятельности, а также представители системной оппозиции от партий КПРФ, ЛДПР и «Яблоко».

Борьба началась в правовом поле: эксперт проекта «За честные закупки» ОНФ подготовил серию официальных запросов и инициировал проверки, в результате которых ФАС аннулировала закупки, необходимые для реализации проекта: «Достаточно долго удавалось этот проект сдерживать на стадии, значит, госзакупок. Там неоднократно выставляли вот этот проект на торги, но из-за того, что там были нарушены требования <...> по-моему, там даже не было конкурентов. То есть это просто выставлялся проект с одним исполнителем. И на этом основании удавалось несколько раз его оспорить» (А1, м). Вдохновленные этими промежуточными успехами, активисты не спешили выходить на публичные арены. Лишь когда девелоперу удалось учесть все замечания и проект вступил в стадию реализации, они осознали необходимость привлечения внимания широкой общественности к сложившейся ситуации: «...мы приглашали людей по объявлению на этот пикет, писали плакаты, снимали, выкладывали в Интернет. Работали со СМИ, рассылали пресс-релизы в средства массовой информации, приглашали депутатов» (А2, ж). Хотя представителям инициативного ядра удалось организовать серию пикетов и митингов, они не смогли привлечь к протесту большого числа местных жителей. Спустя время участники событий признают, что выбрали неэффективные каналы информирования и рекрутинга горожан: «...к моему большому разочарованию, людей пришло очень мало: там буквально, наверное, и десяти человек не набралось. <...> У нас не было своих людей среди жителей этих домов. <...> Неудивительно, что мало кто заинтересовался, потому что мы для них были совершенно незнакомые люди, и наверняка они с некоторым недоверием к нам отнеслись» (А1, м).

Активисты также не оставляли попыток решить проблему в правовом поле, обращаясь с многочисленными запросами и жалобами в прокуратуру, УБОП, Государственную думу, аппарат Президента РФ и пр. Хотя сколь-либо ощутимых результатов эти усилия не принесли, они долгое время создавали иллюзию эффективности, поскольку на каждое обращение поступал – пусть и предельно формальный – отклик чиновников, а в редких (и непредсказуемых) случаях власти даже демонстрировали готовность к диалогу с активистами: «...переписка была огромная, и я вот не помню, после какого-то письма, я анализировала, но я все-таки не смогла понять, просто бросила анализ. То есть, видимо, я каким-то своим действием или письмом <...> куда-то ткнулась в нужное место. И мне звонят из Правительства Нижегородской области, там отдел, сейчас скажу, как он называется, я даже скажу, какой дядька мне звонил. Министерство социального

развития. <...> он мне говорит: «Вот вы занимаетесь таким-то вопросом, и мы хотим, чтобы вы пришли в администрацию Автозаводского района: у нас там будет совещание, мы хотим вас там видеть» (А8, ж). Однако системного характера переговоры с властями не приобрели, и требования протестующих не были услышаны.

Некоторые игроки из числа активистов посчитали необходимым отстаивать свои интересы в суде. По совету юристов, они решили подготовить коллективный иск, но это потребовало вовлечения большого количества жителей домов, расположенных на проспекте. Между тем, как мы помним, соседское сообщество отреагировало на угрозу достаточно пассивно. Ситуацию усугубило недопонимание, возникшее между активистами и привлеченными адвокатами. В результате коллективное заявление так и не было подготовлено. Более того, обнаружилось, что игроки, выступающие за расширение проспекта, обладают ключевым ресурсом на судебной арене: компания-застройщик заказала дорогостоящую комплексную государственную экспертизу проекта. Данный документ можно было оспорить, только инициировав альтернативную государственную экспертизу, к чему активисты оказались не готовы ввиду большой стоимости процедуры. В результате обращение в суд все же состоялось, но приобрело скорее характер символического действия: «И в итоге пришлось в суд идти мне одной, но мы иск подавали втроем. Два человека за компанию. Конечно, мы его проиграли именно по экспертизе, потому что экспертиза – это все. <...> Чтобы сделать хорошую экспертизу, нужно как минимум было миллион, таких денег абсолютно нету» (А8, ж).

Многие информанты считают, что ключевой проблемой, в конечном итоге приведшей к неудаче активистов, стала неслаженность действий инициативной группы, раскол в интересах её членов, конкурирующие представления о том, какие инструменты борьбы следует применять и на каких аренах выступать: «...мне через какое-то время надоело, что как-то договариваются за моей спиной. Просто вот до смешного доходило, что мы приходили на эти собрания, мы бегали там, значит, расклеивали листовки, оповещали жителей этих домов, а юристы подъезжали отдельно вместе с этой женщиной. Ну, как-то не клеивалось совершенно никакое сотрудничество... Если бы вот это сообщество изначально было или более монолитным, или более широким.» (А1, м). Однако некоторые активисты и дружественные эксперты считают, что ситуация была изначально безнадежной для протестующих в силу федерального статуса проекта, его символической значимости и беспрецедентного размера бюджета, выделенного на его реализацию (около 4 миллиардов рублей): «...эта история лично для меня показывает, что есть такие проекты, которые устраивают особенно федеральные власти, как Чемпионат мира, которым противостоять фактически невозможно» (А5, м).

Итак, в ходе данного конфликта среди активистов и горожан изначально не существовало консенсуса как в оценках проекта, так и в выборе арен и средств оспаривания связанных с ним градостроительных решений. Противники строительства опоздали с выходом на публичные арены и не смогли вызвать вокруг проблемы

необходимый коммуникативный резонанс. Вместо этого они предпочли вести борьбу на формальных аренах, что поставило их в заведомо проигрышную позицию по сравнению с поддерживающими проект игроками, обладающими значительными информационными, финансовыми и административными ресурсами. Фактически власти и представители бизнеса даже не столкнулись с необходимостью публичной легитимации своих действий.

Заключение

Проведенный анализ позволяет заключить, что игроки, оспаривающие непопулярные градостроительные инициативы и проекты (активисты, местные жители, дружественные эксперты), склонны задействовать максимальное количество арен и инструментов борьбы, постоянно переключаясь между ними в надежде «нащупать» эффективные рычаги давления на оппонентов. Однако результаты их усилий зачастую непредсказуемы, поскольку исходы городских локальных конфликтов зависят от слишком большого количества внешних факторов, таких как наличие/отсутствие коалиций между городскими и региональными властями и девелоперами, давление федерального «верха», масштаб и источники инвестиций, символическая значимость мегасобытий, к которым приурочены изменения городской инфраструктуры, и пр. Тем не менее, сами участники протестов считают необходимым взаимодействие с другими игроками на публичных интерактивных аренах, поскольку испытывают дефицит ресурсов, которые позволили бы им вести переговоры с властями и девелоперами и добиваться успеха на таких институционализованных аренах, как публичные слушания, судебные заседания и пр. Коммуникативный резонанс, разумеется, не является гарантией победы, но в ситуации растущей социальной напряженности он может сделать политические и экономические элиты более чувствительными к запросам горожан и вынудить их как минимум легитимировать свои решения и действия в публичной сфере.

В условиях острых пространственных неравенств важными ресурсами взаимодействия горожан с другими игроками на любых аренах становятся связи дружбы и сотрудничества, (совместный) опыт предыдущей протестной деятельности/гражданского активизма, а также общность интересов, ценностей и оценок городских проблем, обеспечивающая принципиальную возможность консолидации. Эмпирические материалы демонстрируют, что ни прошлый опыт успешного оспаривания градостроительных решений, ни приобретенный в результате репутационный капитал не гарантируют активистам успехов в будущем, однако эти опыт и репутация ценны уже тем, что транслируют позитивные примеры гражданского активизма и, тем самым, создают ресурсы и условия для будущих усилий неравнодушных граждан.

Библиографический список

- Семенов А. В. Корни травы: паттерны низовой городской мобилизации в России // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 29 – 37.
- Axenov K., Brade I., Bondarchuk E. Transformation of Urban Space in Post-Soviet Russian Federation. London: Routledge, 2006. 196 p.
- Edwards B., McCarthy J. D. Resources and Social Movement Mobilization // Snow D. A. (ed.). The Blackwell Companion to Social Movements. Oxford: Blackwell Publishing, 2004. Pp. 116 – 152.
- Golubchikov O. World-city entrepreneurialism: globalist imaginaries, neoliberal geographies, and the production of new St. Petersburg // Environment and Planning. 2010. 42(3). p. 626–643.
- Golubchikov O., Badyina A. Conquering the Inner-City: Urban Redevelopment and Gentrification in Moscow // Tsenkova S, Nedović-Budić Z. (eds.). The Urban Mosaic of Post-Socialist Europe: Space, Institutions and Policy. Heidelberg, New York: Physica-Verlag, 2006. Pp. 195 – 212.
- Jasper J. M. Getting Your Way: Strategic Dilemmas in the Real World. Chicago: University of Chicago Press, 2006. 224 pp.
- Jasper J. M., Duyvendak J. W. (eds.) Players and Arenas. The Interactive Dynamics of Protest. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2015. 322 pp.
- Kolossov V., Vendina O., O’Loughlin J. Moscow as an Emergent World City: International Links, Business Developments, and the Entrepreneurial City // Eurasian Geography and Economics. 2002. 43. Pp. 170 – 196.
- Kriesi H. The Political Opportunity Structure of New Social Movements: Its Impact on Their Mobilization // Jenkins J. C., Klandermans B. (eds.). The Politics of Social Protest: Comparative Perspectives on States and Social Movements. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1995. Pp. 167 – 198.
- McAdam D. et al. Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings. New York: Cambridge University Press, 1996. 426 pp.
- McCarthy J. D., Zald M. N. Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory. // American Journal of Sociology. 1977. 82(6). Pp. 1212 – 1241.
- Pagonis Th., Thornley A. Urban Development Projects in Moscow: Market/State Relations in the New Russian Federation // European Planning Studies. 2000. 8(6). Pp. 751 – 766.
- Tarrow S. G. Struggling to Reform: Social Movements and Policy Change during Cycles of Protest. Ithaca: Center for International Studies, Cornell University, 1983. 67 pp.
- Tilly Ch. From Mobilization to Revolution. Reading “Social Movements and National Politics”. // Bright Ch., Harding S. (eds.). Statemaking and Social Movements. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1978. Pp. 297 – 317.
- Vendina O. Perspectives for Polycentric Development of the Russian Expanse in the Context of Globalization // Glazer O., Polian P. (eds.). Russian Federation and Its Regions in the Twentieth Century. Territory – Settlement – Migration. Moscow: OGI Social Geography, 2005. Pp. 307 – 333.